

В. Н. Анисимова¹, **В. В. Нехотин**²

¹ *Независимый исследователь, Москва*

² *Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва*

К БИОГРАФИИ В. П. КРАСНОГОРСКОГО (1892–1919)

Статья раскрывает биографию Василия Петровича Красногорского (1892–1919). Студент Петроградского университета, многообещающий молодой пушкинист, участник Венгерского семинария, Красногорский эпизодически упоминается в научной литературе преимущественно как университетский приятель таких фигур, как Ю. Тынянов или Г. Маслов. В 1918 г., когда академическая жизнь в революционном Петрограде свертывается, Красногорский перебирается в белую Сибирь, в Томский университет, где в правление Колчака сосредотачиваются многие ученые из центральной России. В Сибири он впервые публикует всего несколько своих стихотворений и выпускает альманах «Елань» (1919). Красногорский скоропостижно скончался от сыпного типа в самый канун падения белой Сибири, так что до сих пор оставались неясными многие детали его биографии, в том числе достоверные дата и место его рождения. Данная публикация впервые представляет письма Красногорского к его невесте, а затем жене Лидии Ивановне (урожд. Дудкина, 1895–1988), сохранившиеся в домашнем архиве семьи Дудкиных (один из публикаторов, В. Анисимова, происходит из этой семьи). Помимо писем самого Красногорского, представлены и другие эпистолярные материалы из этого же архива, в том числе письма Е. М. Тагер (вдовы поэта Г. Маслова и знакомой Л. Красногорской по Бестужевским курсам) и сибирской поэтессы, позднее известного лингвиста Е. К. Бахмутовой. В комментариях к этим эпистолярным материалам использованы также данные нескольких региональных государственных архивов (прежде всего архивные фонды Петроградского и Томского университетов). Среди ключевых тем писем Красногорского – эпистолярный этикет в среде русских студентов-филологов начала XX в. (и отправитель, и адресат писем – филологи); процесс профессиональной адаптации выпускников-филологов к распадающейся академической инфраструктуре послереволюционной России; феномен «академического авангардизма» (в данном случае – футуристических текстов, создаваемых академическими филологами). Одним из проявлений этого феномена стали и стихотворные опыты В. П. Красногорского, републикуемые в приложении.

Ключевые слова: Петроградский университет (1915–1918), Пушкинский семинарий С. А. Венгерова, революция, Гражданская война, литература Сибири, Томский университет (1919), футуризм.

Анисимова Вера Николаевна – кандидат физико-математических наук (Москва, anisvera@gmail.com)

Нехотин Владимир Владимирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН (ул. Поварская, 25А, Москва, 121069, Россия)

Сама неожиданность смерти «пушкиниста-футуриста»¹ Василия Петровича Красногорского невольно сделала ее главным событием его литературной биографии; по замечанию одного из участников венгеровского Пушкинского семинария, «в русской литературе нередки эти случаи. Веневитинов, поэт сложный и любопытный, умер 22 лет, и с тех пор о нем помнили твердо только одно – что он умер 22 лет» [Тынянов, 2002, с. 375]. Большинство упоминаний Красногорского приходится на его некрологи² и публикации нескольких первых лет после его смерти (все известные нам стихотворные тексты приведены в приложении к этой статье)³.

Новая волна интереса к его фигуре возникла в процессе изучения наследия филологов, связанных с тем же венгеровским семинарием и с поэтическим кружком Петроградского университета [Тынянов, 1977, с. 452, 453; Богомолов, 1988, с. 177; 1999, с. 195]. Характерно, однако, что и в таких работах нет сведений о биографии Красногорского, а в специализированном справочнике вместо года его рождения проставлен знак вопроса [Томский литературный некрополь, 2013, с. 90], – хотя соответствующие (но не вполне точные) данные обнаруживаются легко: «Красногорский, Василий Петр<ович>. с<-ын> чинов<-ника>. р. 25 окт. 1892

¹ Самоаттестация «с весны 1919 года», в печати впервые зафиксированная, видимо, его коллегой по Томскому университету М. К. Азадовским в неподписанной заметке «Из стихотворений – В. П. Красногорского» [Камены, 1922, с. 31].

² См.: [Колубовский, 1919, с. 3–4]. С небольшими купюрами и дефектами этот некролог воспроизведен в кн.: [Томский некрополь, 2001, с. 206–207 (№ 2245)]; в том же номере газеты помещено сообщение: «Томская жизнь. Собрание историко-литерат. кружка. Сегодня, 4 декабря, в 12 ч. дня, в помещении кабинетов историко-филологического факультета назначено собрание историко-литературного кружка памяти Тургенева. На собрании будут сделаны доклады: 1) Памяти В. П. Красногорского и 2) доклад проф. Ю. Н. Верховского о новой поэме Вяч. Иванова “Младенчество”» [с. 3]. Позднее, в подцензурном уже сборнике венгеровского семинария, появилось вынужденно лаконичное упоминание о смерти (без указания времени, места и обстоятельств) В. П. Красногорского, Г. В. Маслова и Ю. А. Никольского (ошибочно названного «Николаевичем»): «все трое, несомненно, были бы нашими деятельными участниками». Там же сообщалось, что среди докладов, прочитанных в семинарии в 1915–1918 гг., Красногорскому принадлежали два: «К стихотворению “Зима. Что делать нам в деревне?”»... (Пушкин и Вяземский)» и «Анонимная статья Пушкина в “Современнике”, 1836 г. № 2, за подписью А. Б.». Текст первого неизвестен; второй (был прочитан 17 ноября 1916 г.) изначально, видимо, предназначался для очередных сборников «Пушкин и его современники» (см.: [Пушкинист IV, 1922, с. VIII, XXX]), но был опубликован под другим названием и в другом издании [Наш труд, 1924б, с. 106–120].

³ Датированный 1 ноября 1919 г. цикл из двух вполне традиционалистских по поэтике стихотворений «Ноябрь: Партизанам 1812 г.» написан Красногорским за месяц до смерти, «в библиотеке Томского Университета во время штудирования поэтов пушкинской плеяды», как сообщал его публикатор М. К. Азадовский, в чьем архивном фонде отложился автограф цикла (ОР РНБ. Ф. 8. Ед. хр. 18). Причем именно такая датировка заставляет усомниться в том, что упомянутый там же [Камены, 1922, с. 31] призыв Красногорского в колчаковские войска мог бы успеть состояться. Возможно, в действительности это подцензурное указание на частую в колчаковской печати параллель между ополченцами 1812-го и партизанами-«крестоносцами», которые так же «Погибнут, родины не выдав / Кровавым вражеским полкам»; ср. «Крестьяне-сибиряки в борьбе с большевиками. На призыв записываться добровольцами в дружины Святого Креста особенно трогательно отзывался один пожилой крестьянин-сибиряк... записался добровольцем крестьянин-сибиряк 60 лет, имеющий жену и 8 чел. детей, старшему из коих 14 лет», и т. п. [Без подписи, 1919б, с. 3]; детальнее см.: [Карпов, 2014].

ок<оло> В.<еликого> Устюг<a>... в ун<иверситете с> 1911 в п<ушкинском> с<еминарии с> 1912» [Пушкинист I, 1914, с. 236]⁴.

В действительности В. П. Красногорский родился 23 октября 1892 г. в Минске⁵ (а в Великом Устюге провел гимназические годы). Помимо документов из государственных архивов, важным источником для его биографии (равно как для характеристики его поколения и его круга общения) служат эпистолярные материалы, сохранившиеся в семье Любови Вадимовны Кудрявцевой⁶, – и мы признательны ей за возможность их публикации.

Красногорские – выходцы из духовенства, первый носитель этой фамилии Василий Иванов (1823 – после 1880) получил ее при рукоположении в священники Преображенской церкви с. Красногорье (на реке Унжа). В декабре 1874 г. был переведен на другой приход, в с. Тимошино того же Макарьевского уезда Костромской губернии⁷. Младший из его сыновей, Петр (1860–1914) окончил Макарьевское духовное училище, в 1874 г. поступил в Костромскую духовную семинарию, но в выпускной V класс не пошел, уволившись по собственному прошению в 1878 г., и осенью того же года поступил на физико-математический факультет естественного разряда (отделения) Петербургского университета. По окончании университета (1884)⁸ служил в Главном выкупном учреждении Министерства финансов, а с 1 августа 1891 г. – в управлении Либаво-Роменской железной дороги в Минске. С июля 1899 г. надворный советник П. В. Красногорский переведен на службу в Министерство Внутренних Дел с назначением земским начальником 5 участка (с мая 1902 г. – 4 участка) Устьсысольского уезда Вологодской губернии.

Его сын Василий провел детские годы в Усть-Сысольске⁹, а в августе 1904 г. поступил в ближайшую мужскую гимназию – в Великом Устюге, окончив ее

⁴ В следующем выпуске поправка: «в Пушк<инском> сем<инарии с> 1915» [Пушкинист II, 1916, с. 291].

⁵ Согласно метрическому свидетельству № 8703, выданному 10 августа 1902 г. из Минской Духовной консистории, в метрической книге минской Привокзальной церкви (в честь Казанской иконы) за 1892 г. значится: 23 октября родился, а 1 ноября крещен Василий, «родители его Титулярный советник Петр Васильев Красногорский и законная его жена Мария Иванова, оба православного вероисповедания» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58941. Л. 12).

⁶ Внучка вдовы Красногорского Лидии Ивановны (урожд. Дудкиной) от второго брака с историком педагогики профессором И. В. Чувашевым (1893–1963). В. Н. Анисимова, один из авторов этой статьи – правнучка ее старшей сестры Екатерины Ивановны Дудкиной (1877–1920), в замужестве Гордеевой.

⁷ На 1880 г. имел жену Александру Николаевну 51 года и детей Платона – 29, Николая – 25, Петра – 20, Флену – 23, Ольгу – 17, Марью – 15 лет (ГАКО. Ф. 130. Оп. 9. Д. 2388).

⁸ «Не имея средств к жизни и выдержав успешно экзамены», подавал прошения об освобождении от платы за обучение («Отец мой, священник очень бедного прихода, имеющий значительное семейство, совершенно не может доставлять мне содержания в течение моего Университетского курса») и, кроме того, все время обучения пользовался «пособием от Университета в виде Университетской или Императорской стипендий». По «грудной болезни» был вынужден провести в деревне осень 1882 – весну 1883 гг. и в результате закончил университет позже обычного (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20080).

⁹ Сейчас столица Республика Коми – Сыктывкар. Скорее всего, именно с этим обстоятельством связано упоминание будто бы «родного ему зырянского племени» [Камены, 1922, с. 31]. Никаких воспоминаний о принадлежности В. П. Красногорского к народу коми-зырян в семье не сохранилось. Можно лишь предположить, что этнической зырянкой была его мать Мария Ивановна (из ее биографии не известно ничего), но и Василий, и его младшая сестра Ольга (1894 – после 1917) родились еще в Минске (хотя и перевод их отца в Усть-Сысольск мог быть вызван некими семейными обстоятельствами).

в 1911 г. с золотой медалью «во внимание к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках, в особенности же в русском и латинском языках»¹⁰.

В. П. Красногорский. Великий Устюг, 1911

Фотография Г. К. Лохтина; этот же снимок – на «Записи студента Императорского С.-Петербургского университета Историко-филологического факультета»

29 июля 1911 г. В. П. Красногорский подает прошение на имя ректора Петербургского университета с просьбой зачислить его слушателем историко-филологического факультета и обязательством сдать экзамен по греческому языку

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58941. Л. 10 – 10 об. (в Усть-Сысольске мужская гимназия откроется лишь в 1912 г.).

«в установленное правилами время», 2 сентября его зачисляют в студенты. Академическая биография последующих лет выглядит вполне стандартно, лишь 8 марта 1916 г. Красногорский, «имея необходимость усиленно работать над медальным сочинением»¹¹, просит ректора «продлить мое пребывание в Университете еще на один год, а единственный оставшийся у меня полукурсовой экзамен сдать не теперь, а осенью». 24 марта правление университета, «принимая во внимание <...> усиленную научную работу над сочинением на медаль – Красногорского», ходатайствует об оставлении его в университете до 1 января 1917 г., фактически же он состоял студентом вплоть до 31 января¹².

Л. И. Дудкина. 1916

Фотография на «Билете для входа на Петроградские Высшие Женские Курсы на 1916–1917 учебный год»

¹¹ Предложенная Венгеровым тема сочинения «на соискание медальной премии» предполагала «работу Красногорского над журналами Пушкинской поры» [Наш труд, 1924б, с. 119].

¹² Выпускное свидетельство и свидетельство с отметками получены 1 февраля 1917 г., «удостоверение, что он состоял студентом до 31 января 1917 г.», получено 4 февраля, «все документы получил» 16 февраля (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58941. Л. 8, 55 – 55 об., 65, 69 – 69 об., 96).

Среди реальных причин отсрочки мог быть и роман¹³ Красногорского с курсисткой-бестужевкой¹⁴, «дочерью крестьянина села Ягодного Ставропольского уезда Самарской губернии»¹⁵ Лидией Ивановной Дудкиной¹⁶; 23 мая 1916 г. они обвенчаются в Спасской церкви города Рыбинска¹⁷ и отправятся в свадебное путешествие в Финляндию.

Этим событиям непосредственно предшествовало несколько писем, показательных и как свидетельство напряженности личных взаимоотношений, и как отражение эпистолярных вкусов среды, к которой принадлежали отправитель и адресат:

<Из Петрограда в Рыбинск, 14 апреля 1916 г.>¹⁸

Относительно твоего приезда... Приезжай, когда хочешь. Я ведь тебе сообщил свой план: рассчитывай так (если с ним согласна), чтобы справиться свои дела, т. е. купить обратный билет (в Рыбинск) на 10 мая (если поедем в Финляндию) и сдать логику (если будешь это делать).

«Обнажена душа моя пред вами»¹⁹. Если же я долго не приду, то значит умер для жизни современной – и будь спокойна. Прости.

ВКрасногорский

14 апр. 1916.

P. S. А главное не хандри: все равно пойму, хоть и не скажу, что понял.

В

¹³ Самое раннее из сохранившихся писем Красногорского адресовано в «Ставрополь Самарской губ. Лидии Ивановне М^{elle} Дудкиной», подписано «ВК 7 ч. в. 10 дек 1915».

¹⁴ «Слушательница С.-Петербургских Высших женских курсов Историко-филологического факультета по 2 группе Русская филология б) подгруппа русской литературы», как значится на ее зачетной книжке, поступила на факультет в 1913 г.

¹⁵ Фактически же Иван Иванович Дудкин (1857–1908) был одним из владельцев «Торгового Дома И. А. Дудкин, Сыновья и Внук. в г. Ставрополе. Скупка и продажа зернового хлеба. Торговлями высшими Сызранскими и Сенгилеевскими сортами пшена, сеянной и обойной муки» (сыновья Ивана Александровича – Иван и Григорий, внук – Поликарп Иванович Дудкин).

¹⁶ Полученную в первом замужестве фамилию Л. И. Красногорская (1895–1988) не меняла уже никогда. За этой подписью помещены два ее стихотворения: «Из цикла “Женщина” (Посвящается моей дочери)» [Наш труд, 1924а, с. 92] и «На смерть А. С. Неверову» (своему земляку по Ставропольскому уезду) [Наш труд, 1924б, с. 96], в том же выпуске околупролеткультовского сборника, где посмертно опубликована работа ее мужа «Новая статья Пушкина» [Там же, с. 106–120]. Одним из редакторов «Нашего труда» был самарский литератор Н. Степной (отец советского драматурга А. Н. Афиногенова и близкий друг покойного Неверова), так что выбор места для этой публикации может показаться странным лишь на первый взгляд. В семье помнят еще и о псевдониме «Лидия Лик», которым Л. И. Красногорская также подписывала свои стихотворения (однако в печати он не выявлен).

¹⁷ В Рыбинске, в доме местных купцов Неопихановых (Красногорский неизменно писал «Неопихонов») помещалась «контора Дудкиных» (как видно из адресов на нескольких письмах): видимо, выбор места для венчания был обусловлен транспортной доступностью Рыбинска как из Петрограда, так и из поволжского Ставрополя.

¹⁸ Открытка, адресованная «Рыбинск. Крестовая у., д. Неопихонова. Лидии Ивановне Г-же Дудкиной».

¹⁹ Из «Бориса Годунова» Пушкина (Сцена 4. Кремлевские палаты).

Л. И. Дудкина и В. П. Красногорский перед свадьбой
Апрель 1916 г.

<Из Петрограда в Рыбинск, 20 мая 1916 г.>

Не боюсь, дорогая Лида, ни обмана, ни насилия. Обману не поверю, а насилию дам отпор. Я – свободный, свободный, а страх удел рабов.

Будь здорова.

ВК

Петроград. 20 мая
1916 года.

После венчания в переписке наступает продолжительный перерыв, возобновляется она письмом от 7 сентября 1917 г., отправленным из Петрограда в «Ставрополь-Самарский», где Красногорский проводил лето в семье Дудкиных (и стал отцом): «Сегодня в 2 ч. дня прибыл в Питер в целости и сохранности после до-

вольно удачной дороги²⁰. Не изнурился и не устал: видно хотя бы потому, что почти сразу же сел за индо-европейскую грамматику. Буду жить у дяди Платона»²¹.

Как видно из следующих писем, недавний выпускник еще не определился с трудоустройством и уже сталкивается с бытовыми трудностями:

<Из Петрограда в Ставрополь, 4 октября 1917 г.>²²

Ну вот, жинка, трудись, трудись, а я останусь здесь зашибать деньгу: ваше училище предпочло мне как я вижу из присланной мне на днях официальной бумаги, какого-то почтенного педагога. Зато здесь в туманной дали вырисовывается на выбор три должности, хотя экзамены я сдал только четыре дня назад, а педагогических и не сдавал еще. Сиповский²³ не приехал, оставляет меня при университете Перетц (и Бороздин)²⁴.

Развивай самодетельность. Чего я хочу, ты знаешь. Ну вот на свободе, без ежеминутных попреков и советов, которые часто только вредят делу, и «организуйся». Наташке²⁵ кланяюсь и прошу прощения. Посылка будет кстати.

Всего хорошего. ВКрасногорский. 4 окт1917. Петроград.

<Из Петрограда в Ставрополь, 23 октября 1917 г.>²⁶

Набрав полный рот сухарями, сразу же по распаковании посылки сажусь благодарить Наташку: она недурно начинает свое жизненное поприще – ей пошли, видно, впрок ошибки родителей, она поняла, что важно не просто сделать хорошее, а вовремя его сделать... Ну дай ей Бог здоровья! Мой день рождения-то сегодня, 23 октября, оказывается: утром получил сюрприз от «Книжной Палаты» – жалованье, вечером – сюрприз от дочери – сухарей (шепни, чтобы больше – но опять не чересчур! – солила, да и маслица пусть подпустит). И что это я всегда ошибаюсь, думаю, что 22го родился. Документы, по справке, сказали иное, а жизнь щедро подтвердила. Ну до свидания: на дядькин адрес ничего не посылайте. С переездом!

ВКр. 11 ч. в. 23 окт. 1917. Петрогр.

Письмо посылай немедленно: что ты его держишь?!..²⁷

<Из Петрограда в Ставрополь, 30 октября 1917 г.>²⁸

30 окт1917.

Петроград

Гражданская война в разгаре. Петроград насторожился в предчувствии грабежей и разгрома... А я изучаю трансцендентальную философию Шеллинга, доедаю сухари и рис с грибами: без сахара и хлеба. И опять без денег – растратил на книги.

²⁰ Согласно открытке от 5 сентября, через Симбирск: «Вот я и в Симбирске. После бессонной ночи слушаю в почтовом отделении политический разговор и смеюсь. Ехал на пароходе общества “По Волге”. Какой-то спекулянт, отрекомендовавшийся бывшим придворным камердинером (он даже одно время, будто бы, управлял Кавказом) предлагал “бескорыстно” свои услуги устроить меня в поезд. Отклонено. Очень много интересного».

²¹ Платон Васильевич Красногорский, статский советник, преподаватель русского языка в 8-й мужской гимназии на 9-й линии Васильевского острова. В качестве обратного адреса на письме указан его домашний: «В. О. 16 л. д. 11, кв. 11».

²² Адрес: «Ставрополь Самарской, Соборная 88. Лидии Ивановне Красногорской».

²³ В. В. Сиповский (1872–1930).

²⁴ В. Н. Перетц (1870–1935) и А. К. Бороздин (1863–1918).

²⁵ Дочь Красногорских Наталья (1917–2004), родившаяся 18 июля. Вторая их дочь, Ольга (1918 г. р.), умерла младенцем.

²⁶ Адрес: «Ставрополь Самарский. Контора Дудкиных. Лидии Ивановне Дудкиной».

²⁷ Приписано сверху открытки.

²⁸ Адрес: «Ставрополь Самарский, Соборная 88. Лидии Ивановне Красногорской».

Ну что же! зато в этот год я возведу крышу и стены к своим фундаментам (если только останусь жив...). И нисколько не раскаиваюсь, что остался здесь: так я уже много получил в эти недели. И непрерывно получаю...

«В надежде славы и добра
Вперед гляжу я без боязни»...²⁹

ВКрасногорский

Р. С. Твои замечания о поэме Блока кажутся мне справедливыми. Только все-таки супруг остается «на фонаре», как жена ни гневается!

В.

Хлеба выдают 1 фунт на два дня: не пришлешь ли черных (сделай с маслом и *посоли!*³⁰) сухарей или черной муки? или того и другого?

Денег ни в каком случае не посылай!

ВК

<Из Петрограда в Ставрополь, 10 января 1918 г.>³¹

10 января 1918. Петроград.

Не знаю, Лидуша, насколько я тебе связно расскажу о событиях и происшествиях, так как я только что с поезда. Ехал в ватер-клозете. Не спал ночь. В голове какие-то попрыгунчики.

Дело в том, что я совершенно неожиданно уехал в Тверскую губернию за архивами – главным образом я рассчитывал добыть переписку Татьяны Пассек-Кучиной, «корчевской кузины» Герцена³². Вместо этого открыл двух интересных писателей Андрея Суворова³³ и Николая Стацевича*) – их письма³⁴. Особенно замечательны письма последнего. Вероятно, привезу в Ставрополь, познакомиться подробнее. Одного архива, очень обильного документами, пока не удалось спасти, но надежда еще не потеряна, хоть именье разбито.

Вернулся усталый, голодный – и нашел две посылки (1) горох с рисом и 2) сахара, масло и пр.) и целую коллекцию писем: благодарю душа моя, за твои заботы и память о бродяге муже. Можешь порадоваться – я и отдохнул, и попил молока, и покушал как следует во время своей экспромтной поездки: попал к славным и гостеприимным людям. Только бы меня не уволили за самовольную отлучку со службы. Результатами ее твой покорный слуга очень доволен: за исключением мелких неприятностей, которые неизбежны и невозможной дороги, и пр. От усталости не знаю, как кончить фразу, но мысль понятна. Зато дорога действительно...

Сманил меня Петрович³⁵ и наш с ним общий знакомый, супруг одной помещицы, дальней родственницы Пассек-Кучиной.

Условия жизни все ухудшаются: если не будут давать электричество и т. п., то для меня утратится всякий смысл жизни в Питере – нельзя будет работать. Впрочем, быть может, это сгоряча так мне кажется. Разыгрываются и политические события.

Дуне³⁶ скажи, что телеграммы – верный способ удержать меня в Питере. Пусть не беспокоится: когда нужно будет приеду и без телеграмм. Они только взбесят.

²⁹ Из «Стансов» Пушкина.

³⁰ Слова «и посоли!» приписаны сверху.

³¹ Адрес: «Самарская губерния. Ставрополь-Самарский д. Дудкиных Лидии Ивановне Красногорской».

³² Татьяна Петровна, урожд. Кучина (1810–1889), жена В. В. Пассека; «Корчевской кузиной» (по исчезнувшему под Ивановским водохранилищем городу Корчева) Герцен называет ее в «Былом и думах».

³³ Исправлено поверх «Сабурова».

³⁴ О ком именно идет речь, неясно.

³⁵ Неустановленный петроградский приятель Красногорского, часто упоминаемый в его письмах.

³⁶ Евдокия Ивановна Кольцова (1892–1978), сестра Л. И. Красногорской; ее муж – Василий Васильевич Кольцов (1889 – ?), личный почетный гражданин г. Ставрополя, был призван в армию КОМУЧа, дальнейшая судьба неизвестна.

Юлиане 1918. Петроград.

Не знаю, Лидия, насколько я тебе через
разницу о советских и пролетарских, мой шаг
есть только это с публы. Бхав в камере-ко-
манд. Не мой шаг — в конце каже-то
похорошею ли.

Дело в том, что я совершено неожиданно
уехал в Тверь и перебрался за арматами —
сначала образом и размещением добрых пере-
писку Шамбле Пасеев-Курманой, «корсет
свой куратор» Терчева. Вместо этого отпустил
двух и переписку писателем Андрея Суворова
и Николая Ступина — из письма. Осо-
бенно замечательны письма последние. Впро-
чем, правду в Савромит похорошею
подробите. Одного армата, дела облетают
документами, пока не удалось спасти, не на-
туда еще не потеряла, как и тебе рублю.

Вернулся усталый, голодный — и написал
два письма (1) о расов, 2) о гугари, мало-ли
и цитирую коллекция писем: благодарю, думи мой,

3) Два «С» к правительству — Савромит.

Письмо В. П. Красногорского к жене, 10–11 января 1918 г. Л. 1

С удовольствием читал твои суждения о Пушкине, его возлюбленных, но оппонировать и соглашаться сейчас неспособен – слипаются глаза и трещит голова от бессонной ночи.

Целую Вас с Наташкой.

ВКрасногорский

Петрович пока в Симбирск не едет.

ВК.

11 янв. Ты у меня умная. Сама догадалась, что соврала о стихотв. «На холмах Грузии» – я готовил тебе именно то возражение, которое пришло тебе самой в голову («мучительная дева»). О Ленском угадала очень верно. Сообщу под секретом: Пушкин вкropил в своего Ленского кое-какие черты Веневитинова**) – вот тебе и ключ к твоей интуиции. Я доказываю это сравнительным стилистическим анализом: буду в Ставрополе, прочту работу тебе.

О «трилогии»³⁷ хорошенько подумай. Разберись. Выясни все себе подробнее. Различи и раздели отчетливее. И проверь себя. Это, насколько я помню, неудачная часть в работе Щеголева. Я соглашался с Анненковым – этот такая тонкая умница, что никто из наших – даже Гершензон, – с ним не поспорит***). Вот кого изучай. Щеголев ценен цепкостью и точностью острого и меткого чтеца рукописей. Но интуиция его однобока и несправедлива (хотя и нельзя сказать, чтобы всегда целиком неверна). Учись у него, но не верь ему. Он и сам скептик: отвечай ему тем же.

На службе мне влетело: и за дело – не буду своевольничать; люблю, когда за дело влетает.

Получил утром еще посылку – от 27 октября (рыба и пр.) – ну теперь надолго хватит! Ай да женка! А на счет жалости ты не так меня поняла...

Читаю сейчас в газете, что под Самарой ожидается бой – вот так штука! и до вас добрались. Теперь неизвестно, кому больше за кого беспокоиться: тебе ли за меня, или мне за тебя! Будем лучше оба спокойны. Если и умереть, то пусть люди скажут: умер за работой. Лучший памятник: так и на могиле напишите.

ВКр.

*) Два «С» к третьему – Сабурову³⁸.

**) Но в Ленском не только Веневитинов. Ведь эта бестия Пушкин брал ото всюду и так сливал в один образ, что только я и распутаю. Во!

***) Да и знал Анненков больше – от жизни.

<Из Петрограда в Ставрополь, 15 (2) марта 1918 г.>

Ну вот теперь устал... Устал по-настоящему. Еще несколько усилий – и выполню предначертания и задачи этого года. И эти усилия сделать мешает невероятная лень, лень усталости. А там можно и в вагон (или на вагон?). Одного хочу – замкнуть честно и прочно этот круг, чтобы не назвать себя потом разиней и рохлей. Ведь теперь, в этот год, решалось направление всей жизни. Лишь бы не дрогнуть в последние минуты, не «сдыгать»³⁹, как говорят в Устюге.

Стучит чайник в печке. Там подогревается моя вечерняя уха. Да, учебу я прошел в этом году! Ковал булат. Пора и дров поколоть! Как раз вид у меня соответствующий – обтрепался как бродяга. Завтра у Петровича блины⁴⁰ и мы с усами.

В.

15 (2) марта 1918.

³⁷ Здесь и ниже речь идет о статье П. Е. Щеголева «Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина» (где обсуждаются состав и вероятные адресаты его «превосходной лирической трилогии») [Щеголев, 1904].

³⁸ Видимо, Яков Иванович Сабуров (1798–1858).

³⁹ «термяи. спявиться, не устоять, отступить от слова» (Даль).

⁴⁰ На субботу 16 марта в 1918 г. выпала масленица, на 17 марта – Прощеное воскресенье.

Л. И. Дудкина

<Из Петрограда в Ставрополь, 22 (9) марта 1918 г.>⁴¹

Жалованье частью получил. Расплатился с важнейшими долгами и основался еще на месяц: видно, что пуд, взятый по своей воле, легче фунта, навязанного волей

⁴¹ Последнее из сохранившихся писем Красногорского к жене.

посторонней. Но окружающее не в розах. Палата⁴² расхлябалась; не знаю, удастся ли исправить. Постепенно затихает и моя, частная, работа: осенняя энергия поисчерпалась. Впрочем, я уже не насилюю себя, как в прошлые годы – двигаюсь потихоньку и с передышками: подметаю остатки и расчищаю перспективы. Жду апреля и воды с пароходным движением⁴³. Дозреваю: скоро ведь буду заправским писателем – до сих пор все лишь готовился, сдерживал себя уздой семинариев. Кстати: ведь в Самаре открывается Университет – и чуть ли не с Перетцем!⁴⁴ Вот и центр просвещения близко. А я из Питера едва ли надолго уеду – разве в Москву или за границу? Как события Ваши?

22 (9) марта 1918 Петроград

В.

Как видно из этих писем, зиму 1917–1918 гг. Красногорский провел в интенсивной работе над замышлявшейся книгой о Пушкине и во все более осложнявшихся бытовых условиях – что в итоге приводит его (как и многих его петроградских коллег⁴⁵) к решению покинуть «Северную Коммуну».

Еще 7 ноября 1917 г. датировано свидетельство на бланке ректора Петроградского университета, согласно которому В. П. Красногорский оставлен по кафедре русского языка и словесности для приготовления к профессорской деятельности на два года, с 21-го октября 1917 по 21 октября 1919 г., с правом «свободного проживания в г. Петрограде и его окрестностях» в течение этого срока, – отложившееся, однако, уже в томском архиве⁴⁶.

Скорее всего, к маю 1918 г.⁴⁷ Красногорский действительно приезжает в Ставрополь, но затем следы его на время теряются. К концу года бестужевка-филолог Е. М. Тагер, еще в марте 1917-го уехавшая в Симбирск вместе со своим мужем Г. В. Масловым, тоже участником венгерского семинария, пытается разыскать его у родных жены, но уже тщетно:

<Е. М. Тагер, из Симбирска в Ставрополь, декабрь 1918 г.>⁴⁸

5–18 Декабря 1918

Где Вы, Василий Петрович? Откликнитесь. Хотелось бы услышать Ваш голос. Пишу наугад в Ставрополь, но почему-то думаю, что Вас там нет. Впрочем, нигде, ничего и никого нет, все провалилось в преисподнюю. Симбирск пуст, как зачумленный. У меня здесь не осталось ни родных, ни знакомых. Все ушло и уехало.

Мы с матерью живем на прежнем месте (Богоявленский, 3). О муже с самого взятия Симбирска не имею известий⁴⁹. Две недели назад я благополучно родила дочь⁵⁰. Она оказалась здоровая и спокойная. Существоем мы не особенно плохо, т. к. у меня много уроков. Немного пострадали от реквизиций и конфискации, но не особенно; другим досталось больше; т. к. напр. из квартиры родителей мужа⁵¹ (они

⁴² Книжная палата, см. письмо от 23 октября 1917 г.

⁴³ Чтобы добраться до Ставрополя.

⁴⁴ Эти планы тогда остались нереализованными.

⁴⁵ Детальнее см.: [Еремеева, 2017].

⁴⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 820. Л. 33.

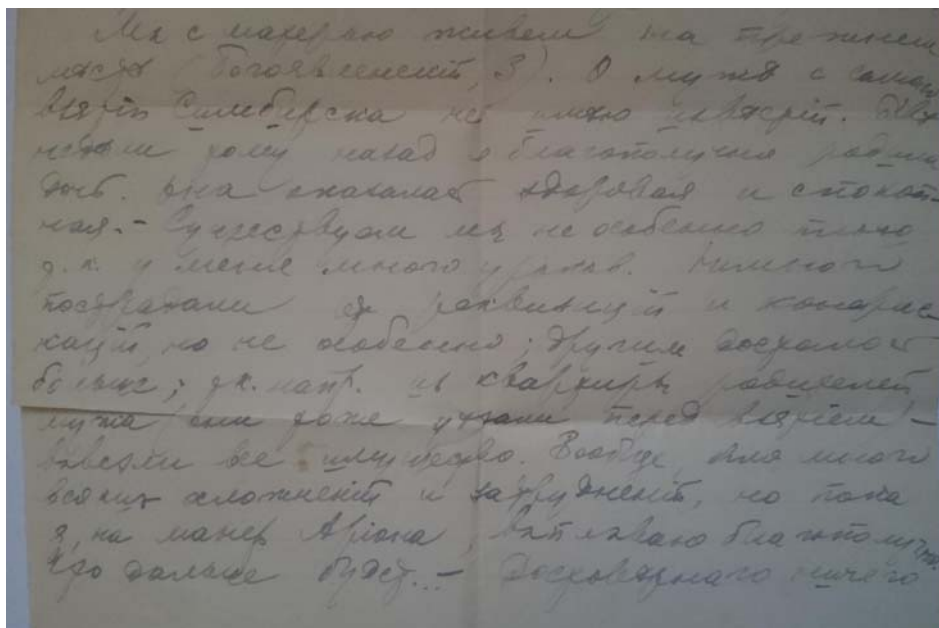
⁴⁷ Как видно из томских документов, с 1 мая 1918 г. Красногорский прекращает получать стипендию в Петроградском университете (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 820. Л. 35, 45).

⁴⁸ Заказное письмо по адресу «Ставрополь Самарской губ. Дом г-жи Дудкиной Василию Петровичу Красногорскому», отправитель «Е. М. Тагер-Маслова Симбирск Богоявленский [съезд] д. 3», на почтовом штампе «Симбирск 241218».

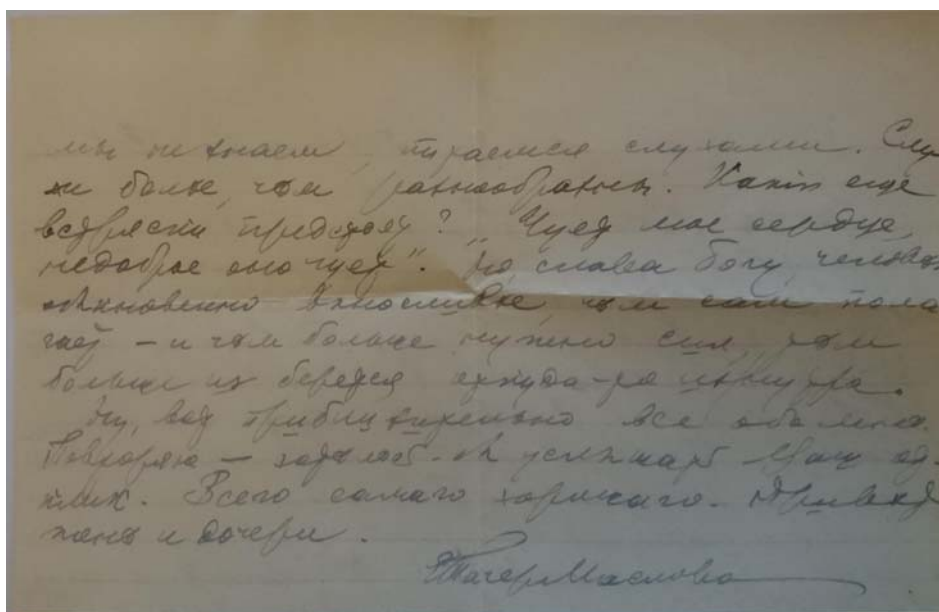
⁴⁹ Г. В. Маслов покинул Симбирск с падением там белой власти, около 12 сентября 1918 г.

⁵⁰ Аврора Георгиевна Маслова (1918–1937) родилась 2 декабря 1918 г.

⁵¹ Владимир Николаевич (1869–1934?) и Любовь Николаевна Масловы.

Письмо Е. М. Тагер, 5–18 декабря 1918 г., Л. 1, нижняя часть

Письмо Е. М. Тагер, 5–18 декабря 1918 г. Л. 2

тоже уехали перед взятием) – вывезли все имущество. Вообще было много всяких осложнений, но пока я, на манер Ариона, выплываю благополучно. Что дальше будет... – Достоверного ничего мы не знаем. Питаемся слухами. Слухи более, чем разнообразны. Какие еще встряски предстоят? «Чует мое сердце, недоброе оно чу-

ет»⁵². Но, слава Богу, человек выносливее, чем сам полагает – и чем более нужно сил, тем больше их берется, откуда-то изнутри.

Ну, вот приблизительно все обо мне. Повторяю – хотелось бы услышать Ваш отклик.

Всего самого хорошего. Привет жене и дочери.

Е. Тагер-Маслова

Согласно некрологу в колчаковской газете, «летом 1918 г. чехословацкое движение застигает В. П. в Самаре, и отсюда он, увлеченный волной обратного движения, попадает в Томск, где и связывает тесно свою деятельность с научной работой молодого историко-филологического факультета» [Колубовский, 1919, с. 3]. По семейным преданиям, Красногорский приехал в Ставрополь (весной 1918 г.?) уже специально за деньгами⁵³ на свое обустройство в Томске, причем сказал, что едет «преподавать, не воевать»; вновь беременной жены с годовалой дочерью на руках он взять с собой не мог, и больше они никогда не увидятся.

В. П. Красногорский с университетским значком
Самара, 1917/1918 г.

⁵² Из сказки В. Ф. Одоевского «Сиротинка».

⁵³ Эти средства выделил Поликарп Иванович Дудкин (1880 – 1960-е, Ялта), внук основателя торгового дома и шурина Красногорского.

Однако где находился и чем занимался Красногорский с момента отъезда из Ставрополя вплоть до весны 1919 г., неясно.

28 марта 1919 г. он подает на имя колчаковского министра народного просвещения В. В. Сапожникова прошение:

Будучи оставлен при Петроградском Университете по кафедре русского языка и словесности для приготовления к профессорской деятельности, имею честь просить Вас, г. министр, прикомандировать меня к Томскому Университету в качестве профессорского стипендиата. При сем прилагаю свидетельство об оставлении меня при Петроградском Университете и письмо проф. С. О. Гессена⁵⁴.

Оставленный при Петроградском Университете Красногорский.

Томск, 28 марта 1919.

Бульварная ул., д. 11, кв. 5⁵⁵

8 апреля Красногорский просит уже историко-филологический факультет Томского университета «о выдаче мне стипендии, которую я получал до мая 1918 года в качестве оставленного при Петроградском университете для приготовления к профессорскому званию», 3 мая факультет на своем заседании постановляет ходатайствовать перед Министерством народного просвещения о выдаче из «сумм Министерства г-ну Красногорскому стипендии, не полученной им с 1 мая 1918 года по 1 апреля 1919 г. и причитающейся ему как оставленному при Петроградском Университете», а 17 мая – «о назначении г-ну Красногорскому стипендии с 1 апреля 1919 г. по 1 января 1920 г. из сумм, имеющихся в распоряжении Историко-филологического факультета»⁵⁶.

Из местной периодики и воспоминаний коллег Красногорского по Томску видно, что его активность не ограничивалась университетом и развернулась несколько раньше, чем отражено в делопроизводстве. Посетивший Томск проездом в апреле 1919 г. Д. Д. Бурлюк вспоминал уже существовавший к тому времени в университете «литературный кружок “Елань”, под руководством молодого филолога Красногорского» [Бурлюк, 1922, с. 46]; тогда же Красногорский посвящает Бурлюку свой «футуристический сонет» (приведенный тем в интервью Н. Н. Асееву).

8 мая датировано предисловие «От издательства»⁵⁷ в первом (и единственном) сборнике «Елань» – «Издание В. П. Красногорского», где сам он представлен циклом прозаических миниатюр «Женщины» («Подшибленное время», «Праздник», «Мадонна») под инициалами «В. К.» [Елань, 1919, с. 7–8] и тремя стихотворениями за полной подписью [Там же, с. 9] (а живший тогда в Омске Г. В. Маслов – стихотворной комедией «Дон-Жуан» и стихотворением [Там же, с. 2–7, 11]). Уже к 16 мая сборник выходит из печати:

⁵⁴ Так в Томске часто именовали Сергея Иосифовича Гессена (1887–1950), преподававшего там с лета 1917 по лето 1921 г.; упомянутое его письмо в ГАТО отсутствует.

⁵⁵ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 820. Л. 34. Ср., однако, упоминание о прикомандировании еще «в 1918 г.» к кафедре русского языка и словесности историко-филологического факультета профессорского стипендиата Петроградского университета В. П. Красногорского [Некрялов, 2011, с. 393]. Возможно, впрочем, что «1918» возникло задним числом из бухгалтерской документации университета.

⁵⁶ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 820. Л. 35, 45, 47. В метрической записи университетской церкви во имя Казанской иконы о смерти «Василия Петрова Красногорского» он назван уже «стипендиатом Томского университета» (ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 135 об. – 136).

⁵⁷ Как поясняется в этом предисловии, «Елань – участок леса, вырубленный для культурной обработки»; но это еще и название того района Томска, где расположены университетские здания (что было очевидно лишь для местных читателей).

Сегодня издательство «Елань» устраивает в общественном собрании научный диспут о футуризме. Оставленный при петроградском университете по кафедре русской литературы В. П. Красногорский произнесет вступительную речь: «Закат Заратустры (символизм и футуризм)». В диспуте обещали принять участие: проф. С. О. Гессен, артист А. Э. Рошковский⁵⁸ и др. Продажа сборника первого «Елань». Билеты от 1 ч. д. до начала лекции (8 ч. в.) [Без подписи, 1919а, с. 3].

Похоже, что с подобными лекциями Красногорский успевает посетить еще и Иркутск: «с весны 1919 года... В Томске и Иркутске в это же время он читает лекции на тему “Закат Заратустры (от символизма до футуризма)” и “Пушкин и футуризм”»; как сообщается в той же позднейшей заметке, «литературное наследие молодого поэта-исследователя затерялось. Судьба его рукописей неизвестна» [Камены, 1922, с. 31].

Некоторый свет на эту судьбу проливают еще два адресованных Л. И. Красногорской письма:

<Е. К. Бахмутова, из Симбирска в Ставрополь, декабрь 1918 г.>

1ое июня 1920 г.

Томск. Университет.

М. Г.!

Мне очень больно, что именно на мою долю выпало⁵⁹ сообщить Вам о подробностях смерти В. П. Красногорского, моего товарища по университету и сотрудника по издательству журнала, выпущенного нами весной прошлого года в Томске, именуемом «Еланью».

В. П. заболел тифом в половине ноября, причем начало болезни я не увидела, т. к. меня известили после того как один из товарищей перевез его в больницу для больных брюшным тифом. Когда же было установлено, что у В. П. сыпной тиф, то он был перевезен в лазарет для сыпнотифозных, туда его устраивали я с другим его товарищем, причем все было предусмотрено, чтобы за ним был хороший уход. Форма тифа была исключительно тяжелая, весь медицинский персонал лазарета был поставлен на ноги его болезнью и очень внимательно к нему относился. До кризиса положение было тяжелое, но не критическое, ждали с напряжением кризиса, но после кризиса сильный жар повлиял на мозг и в результате менингит <так>. Собрали консилиум, но помочь не могли. Утром в понедельник (1ого) я звонила в лазарет, сказали, что спал ночь, но страшно ослабел (я к тому времени уже утратила всякую надежду, т. к. накануне видела его в палате, узнать было совершенно невозможно) в 12 ч. дня меня нашли в университете, чтобы передать из лазарета, это «умер Красногорский». На Университет смерть его произвела колоссальное впечатление (В. П. пользовался большой популярностью) Похороны были совершены за счет Университета. Схоронили его на Преображенском кладбище в Университетской аллее⁶⁰. После него остались книги, некоторое количество, они в ведении его друга Кисцова⁶¹, остались стихи, они у его товарища Перелешина⁶², как только будет возможность, мы их издадим, у меня же сохранились его выписки из произв. литературного, философского и исторического характера, всякого сорта личные пометки, тот черновой матерьял, из которого он хотел строить дальше. Вот все, что могу сообщить.

Если нужно будет от меня что-нибудь, напишите Томск. Университет проф. Гессену передать Елене Константиновне Бахмутовой⁶³.

⁵⁸ Александр Эмильевич Рошковский (1888 – ?).

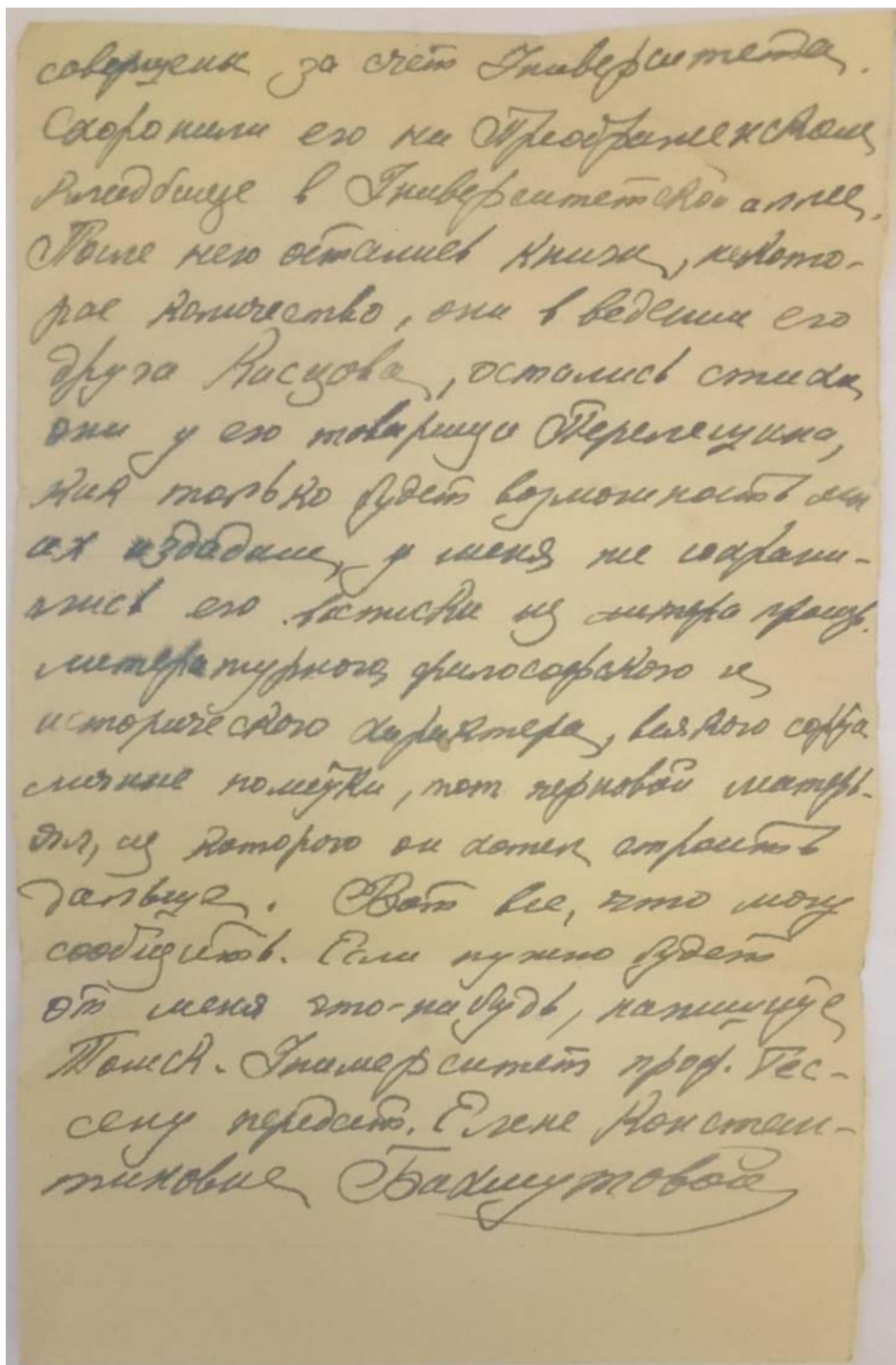
⁵⁹ Вписано карандашом поверх зачеркнутого «выпала об-но доставилось».

⁶⁰ Похороны состоялись 5 декабря 1919 г.

⁶¹ Неустановленное лицо.

⁶² Возможно, Борис Николаевич Перелешин († 1938).

⁶³ Давнее предположение о тождественности автора стихотворения «Soirée-fixée на “Магните”» из «Елани» (отметим и его стилистическое сходство с сонетом Красногор-

совершил за счет Университета.
Сохранили его на Преображенском
Рядовице в Университетской аптеке.
Мне не останется книги, которо-
рая кончается, они в ведении его
друзья Рыкова, остались стихи,
они у его товарища Перегудина,
для того будет возможность их
отыскать, у меня не сохрани-
лись его заметки из своего граф.
литературного, философского и
исторического характера, много софис-
тичные заметки, тот перловый матери-
ал, из которого он делал статьи в
журнале. Вот все, что могу
сообщить. Если нужно будет
от меня что-нибудь, напишите
Маше. Знамерситет проф. Гес-
сену передает. Елене Константи-
новне Баршутовой

Письмо от Е. К. Бахмутовой к Л. И. Красногорской, 1 июня 1920 г. Л. 3

ского «Д. Бурлюку») и будущей лингвистки Е. К. Бахмутовой (1897–1957) оказалось совершенно справедливым (см.: [Богомолов, 2011, с. 398]).

21 дек 20г. Томск.
Наконец-то я отшел, если не
время, то хотя бы мне
набросать Вам несколько
строк.
В книгах я читал Ваши каменные
сообщения, что они в кабинете
гидрометеорологической станции
и мне ни Боже мой не удалось.
Они были у
Бахмурова. Перед едой
отъездом утром на Амур,
она, по ее словам, передали
их какой-то знакомой катеру
куда-то переплыть на
Амурские воды с ее
лицом. Бахмуров флерит

Письмо неустановленного автора из Томска к Л. И. Красногорской, 21 декабря 1920 г. Л. 1

Авторство другого письма, написанного малоразборчивым почерком, с плохо сохранившимся текстом (почему и приводим его фрагментарно) и утерянным окончанием, установить не удастся:

21 дек. 20 г. Томск.

Наконец-то я обрел, если не время, то хоть желание набросать Вам несколько строк.

О книгах я уже Вам кажется сообщил, что они в кабинете факультета. Рукописей ни мне ни Богдановой⁶⁴ получить не удалось. Они были у Бахмутовой. Перед своим отъездом летом на Алтай она, по ее словам, передала их какой-то знакомой, которая куда-то испарилась не оставив после себя никаких следов. Бахмутова уверяет, что она ее разыщет и передаст все бумаги Вам. 2 недели тому назад она уехала в Петроград, не сообщив никому фамилии своей знакомой – не передав той возможности которой эти рукописи могут быть отысканы. Адрес ее сейчас: Петроград, Университет проф. Гвоздеву⁶⁵ для Бахмутовой. Пишите ей сейчас же и попросите ускорить дело.

Почему все это так вышло, почему ни я, ни Богданова не принимали участия в разборе наследия Вас. Петр., расскажу Вам подробно когда увидимся. Ведь Вы приедете к весне сюда? Сегодня С.И. Гессен показал мне карточку Вас. Петр. Спасибо Вам большое за нее. Постараемся переснять. Я хочу ее иметь тоже у себя. Знаете когда я его первый раз увидел? На первом практическом занятии по «Ист. зап. европ. литерат.» Читался реферат об «Адольфе» Бенж. Констана. Обычный ученический пересказ, компиляция из разных «историй» Вас. Петр. его <до>полнил – и так, что мне не читавшему эти вещи стал сразу ясен этот француз 1^й четверти 19 века. Мне не принимавшему до сих пор участия в работах по гуманитарной области – стал сразу ясен общий метод, которым нужно идти последовательно. И после этого вечера меня потянуло к Вас. Петровичу. Я инстинктивно почувствовал в нем блестящую силу – и захотелось поговорить с ним. <...> завязался наш первый разговор. Об искусстве, о смерти... «Я уже примирился с ней, много до этого пережив и передумав; но теперь кончено! Я знаю, что <нрзб> и холоден... но я хочу чтобы при моих похоронах у меня на крышке гроба лежал бы мой труд о Пушкине, мою книгу <так>, которую я напишу о нем!» Он бывал у нас и часто держал на коленях мою тогда 1-летнюю дочурку. Все же мы не сошлись с ним близко. Как я жалею теперь об этом! Мы оба туго подходили друг к другу, может быть я был слишком сдержан. Он это вероятно чувствовал. Меня почему-то поразило, что когда после его смерти мы собравшись читали его эпиграммы – то из всех его друзей и знакомых в них не был обрисован только один я. Почему? Не знаю. И как метко ретушированы.

<...> Свою работу, свое горение он замкнуто держал в себе – но все же было что-то в нем, что гнало его, чему он не мог противиться, что принуждало его уже теперь раскрывать себя понемногу перед толпой народной. Его лекции, «Елань», журнал, который он думал «развернуть». И в то же самое время было что-то и другое. Как-то перед своей лекцией он меня просил выступить вместе с ним – я отказывался. «Дайте слово! Хорошо! Я напечатаю Ваше имя на афише» «Нет! Только это не делайте. Не нужно! Не могу я». – Он как-то странно <нрзб (вел?)> – черты лица дрогнули, мне показалось, что он сейчас заплачет (странное с ним было). <...>

В заключение приведем тот фрагмент некролога 1919 г., который при современном переиздании был воспроизведен с дефектами [Томский некрополь, 2001, с. 207]:

⁶⁴ Мария Михайловна Богданова (1895–1991), бестужевка, в 1919 г. окончила историко-филологический факультет Томского университета, позднее историк-декабристовед (указано К. М. Азадовским).

⁶⁵ А. А. Гвоздев (1887–1939), преподававший в Томске в 1917–1920 гг.

В. П. ясно видел, что в области академической работы торопиться нельзя, что труден и тяжел предварительный искус самоиспытания и самосознания. Поэтому не только внешними обстоятельствами объясняется то, что научная деятельность В. П. неизбежно протекала в интимной среде факультета и была скрыта от общих глаз. Как он сам неоднократно говорил, он никогда не претендовал на то, чтобы давать нечто готовое, но неустанно искал верных путей, верного подхода к делу и, что важнее всего для академической деятельности, и других побуждал к такому исканию. Обладая мудростью истинного исследователя, он знал, что готово и закончено здесь только отошедшее в прошлое, он же весь жил и кипел жаждой деятельности. Стремление показать другим то, что уже рисовалось ясно его взгляду, придавало силу и энергию всем его выступлениям; у него уже вырабатывалось умение на конкретном материале показывать, чего он требует и к чему стремится, он мечтал собрать вокруг себя кружок людей, одинаково мыслящих, к одной цели идущих, и ему казалось, что этот кружок уже здесь, уже составился, уже может проявить себя – и так внезапно прервалась начатая работа! [Колубовский, 1919, с. 4.]

Приложение

СТИХОТВОРЕНИЯ В. П. КРАСНОГОРСКОГО

Д. БУРЛЮКУ

В огнях иллюминации, взрывайте репутации,
Качаясь на трапедии бессмысленных бугад,
Кропите проституцией во имя авиации
Адепт вульгарной специи, утонченный прелат!

Экстравагантной лекции рекламные вибрации
Нежданые эмоции эстетикам сулят,
Для нравственной полиции напевы декламации
Пуускайте «спекуляции», «скандалы» и «разврат».

Бурлюк – вы репетиция к Валгале <так> революции,
В гаерской декорации таящийся пожар!
(Приводит к аберрации мышленья эволюции
И полная прострация сменяет яркий жар!).

Но член кооперации здесь видит лишь обструкции<,>
Не бомбы ярой Грации пророческий удар
[Асеев, 1919].

* * *

Я вновь хочу твою ласкать
Мягущееся тело.
Внезапно взять и сжать, лобзать
Терзать безумно-смело.
Взметнутся руки. Этот рот
Продолговато алый
В томленьи муки страсть вопьет
И отпадет усталый.

И проклянет, тоскливо злой,
Рыданием невнятным.
Как удивлюсь я, весь иной,
На груди красным пятнам!

[Елань, 1919, с. 9] (с римской нумерацией ст-ний; в содержании обозначены как цикл «Три стихотворения»).

Обложка сборника «Елань» с автографом В. П. Красногорского: «В библиотеку Томского Университета / от издателя. 23 мая 1919. / ВКрасногорский / Томск»

* * *

Я не любил черного франта
С траурной тенью глаз –
Он все картавил Вам галантно
Обрывки любовных фраз.
И Ваш шелестящий сгиб коленный
Лежа на мягком ковре ласкал.
Он был – с виду такой смиренный,
В душе – нахал
[Там же].

* * *

Я одинок. Лишь безответная
Взмывает песня вдалеке.
Ты не моя, моя приветная,
Твоя рука в чужой руке.
От пресыщенья иль усталости
Мне, дорогая, все равно.
Я в благодушной светлой вялости
Цежу душистое вино.
И не от страсти, не от ревности
Перекликаются стихи,
Как упоенные напевностью
Вечеровые петухи
[Елань, 1919, с. 9].

Н О Я Б Р Ь.
Партизанам 1812 года

*Конь кипит под седоком.
Сабля свищет, враг валится.
Д. Д а в ы д о в . «Песня старого гусара»*

I. Г у с а р

Средь современных инвалидов
Едва ли я таких найду,
Как партизан Денис Давыдов
В двенадцатом году.

Разить решительным ударом
Звала гусарская душа –
И свист и стоны палаша
В стальных стихах слышны не даром.

Дрожало имя храбреца
На злых устах Наполеона,
Когда он проклял, опаленный<,>
Пожар Кремлевского Дворца
[Камены, 1922, с. 31–32].

II. К р е с т ь я н е

В волну воспоминаний милых
Мой сладко окунулся стих.
Под снегом дымный лес утих,
Играет солнышко на вилах;

Скрипит снежок, и кумачом
Сурово багровеют лица...

(Мороз на чужаков дивится,
А нам, российским, нипочем!)

Погибнут, родины не выдав
Кровавым вражеским полкам.
И ты<,> блистательный Давыдов,
Уступишь славу армякам!..

1 ноября 1919.

Томск

[Камены, 1922, с. 32.]

Список литературы

Асеев Ник. Вести об искусстве (Из беседы с Д. Д. Бурлюком) // Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. № 96. 29 (16) июня. С. 3.

[*Без подписи*] Научный диспут о футуризме // Сибирская жизнь (Томск). 1919а. № 98. 16 мая. С. 3.

[*Без подписи*] Из газет // Сибирская жизнь (Томск). 1919б. № 234. 4 нояб. С. 3.

Богомолов Н. А. К изучению поэзии второй половины 1910-х годов // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988. С. 174–183.

Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. 639 с.

Богомолов Н. А. В книжном углу – 2 // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. С. 395–399.

Бурлюк Д. Д. Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 2. С. 44–48.

Елань: Сборник первый, весенний, чуть эротический. Томск, май. Томск: Издательство «Елань»; Издание В. П. Красногорского; Типография Епархиального Братства, [1919]. 13 с.

Еремеева А. Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Изд. Платонов И., 2017. 208 с.

Камены: Сборник историко-литературного кружка при Государственном Институте Народного Образования в г. Чите. Чита, 1922. [Вып.] I. 116 с.

Карпов Н. Д. Крестоносцы – последний резерв Колчака. М.: Русская панорама; Русское Историческое общество, 2014. 336 с. (Сер. «Страницы российской истории»)

Колубовский И. [Я.] В. П. Красногорский // Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 259. 4 дек. С. 3–4.

Наш труд: Сборник литературы, драмы и критики / Под ред. Н. Степного, Е. Локтева. Иваново-Вознесенск [Кинешма], 1924. № 1. 112 с.

Наш труд: Сборник литературы, драмы и критики / Под ред. Н. Степного, Е. Локтева. Иваново-Вознесенск [Кинешма], 1924б. № 2. 120 с.

Некрылов С. А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.): [В 2 т.]. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. Т. 2. 596 с.

Пушкинист [Вып. I]: Историко-литературный сборник / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Фототипия и типография А. Ф. Дресслера; Прометей, 1914. XXIV, 239 с.

Пушкинист. [Вып.] II: Историко-литературный сборник / Под ред. С. А. Венгерова. Пг.: Фототипия и типография А. Ф. Дресслера; Прометей, 1916. XVI, 292 с.

Пушкинист IV: Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова / Под ред. Н. В. Яковлева. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922. XL, 362 с.

Томский литературный некрополь / [Сост. Т. Назаренко; рук. проекта Г. Скарлыгин]. Томск: Изд-во «Красное знамя», 2013. 96 с.

Томский некрополь: Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939 / Сост. и ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 327 с.

Тынянов Ю. Н. О Хлебникове // Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция: Избр. тр. М.: Аграф, 2002. С. 363–375.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Подгот. изд. и коммент. Е. А. Годдеса, А. П. Чудакова, М. О. Чудаковой. М.: Наука, 1977. 574 с.

Щеголев П. Е. Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина // Вестник Европы. 1904. № 1. С. 305–327.

Архивы

1. Государственный архив Костромской области (ГАКО), Кострома
2. Государственный архив Томской области (ГАТО), Томск
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), СПб.
4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), СПб.

V. N. Anisimova¹, V. V. Nekhotin²

¹ *Independent researcher, Moscow*

² *A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences
Moscow*

MATERIALS FOR THE BIOGRAPHY OF VASILIIY KRASNOGORSKIY (1892–1919)

This article reveals the life of Vasily Petrovich Krasnogorskiy (1892–1919). A student of the Petrograd university, promising Pushkin scholar, participant of Vengerov's Pushkin seminar, Krasnogorskiy is still mentioned in philological studies, mainly as a university friend of such prominent persons, as Yury Tyunyanov or poet Georgiy Maslov. In 1918 the academic life in post-revolutionary Petrograd dramatically collapsed, and then Krasnogorskiy escaped to white Siberia, where under the rule of Kolchak the Tomsk university gave a shelter for many other scholars from the European part of Russia. In Siberia Krasnogorskiy published for the first time only several poems and issued almanac "Elan'" (1919). He died suddenly from typhus (rickettsiosis) on the very eve of the fall of white Siberia, so the major details of his biography still remain unclear, including even reliable date and place of his birth. This article contains Krasnogorskiy's letters to his fiancée, then his wife Lidia Ivanovna (nee Dudkina, 1895–1988), preserved in the Dudkins family private archive (one of the publishers, Vera Anisimova, belongs to this family). In addition to the letters of Krasnogorskiy himself, other epistolary materials from the same private archive are also published, including the letters of Elena Tager (the widow of Georgiy Maslov and fellow student of L. Krasnogorskaya at Bestuzhevsky courses (Women's higher education institution in St. Petersburg), and Siberian poetess, later a prominent Soviet linguist Elena Bakhmutova. For the comments on these epistolary materials, data from several regional state archives (primarily archival funds of the Petrograd and Tomsk universities) are also involved. There are several key themes in the letters of Krasnogorskiy, including such as: epistolary etiquette of Russian philology students in early 20 century (both the sender, and the addressee of these letters are phi-

logists); process of graduate philologists' professional adaptation to the stagnating academic infrastructure in postrevolutionary Russia; the phenomenon of "academic avant-gardism" (in this case – "futuristic" texts created by academic philologists). The poetic experiments of V. P. Krasnogorskiy (collected in the Appendix) were also manifestations of this phenomenon.

Keywords: Petrograd University (1915–1918), Vengerov's Pushkin seminar, Russian Revolution of 1917, Russian Civil War, Tomsk University (1919), Siberian literature, Russian futurism.

References

- Aseev Nik. Vesti ob iskusstve (Iz besedy s D. D. Burlyukom). *Dal'nevostochnoe obozrenie* [*Far Eastern Review*] (Vladivostok), 1919, no. 29, (16) June, p. 3. (in Russ.)
- [Bez podpisi]. Nauchnyj disput o futurizme. *Sibirskaya zhizn'* [*Siberian Life*] (Tomsk), 1919, no. 98, 16 May, p. 3. (in Russ.)
- [Bez podpisi]. Iz gazet. *Sibirskaya zhizn'* [*Siberian Life*] (Tomsk), 1919, no. 234, 4 November, p. 3. (in Russ.)
- Bogomolov N. A. K izucheniyu poezii vtoroj poloviny 1910-kh godov. *Tynyanovskij sbornik: Tret'i Tynyanovskie chteniya* [*Tynyanov's Collection: The Third Tynyanov's reading*]. Riga, Zinatne, 1988, p. 174–183. (in Russ.)
- Bogomolov N. A. Russkaya literatura pervoj treti XX veka: Portrety. Problemy. Razyskaniya [Russian Literature of the first third of the XX century: Portraits. Problems. Searches]. Tomsk, Vodolej, 1999, 639 p. (in Russ.)
- Bogomolov N. A. V knizhnom uglu – 2. *Novoe literaturnoe obozrenie* [*New Literary Review*], 2011, no. 107, p. 395–399. (in Russ.)
- Burlyuk D. D. Literatura i khudozhestvo v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. *Novaya russkaya kniga* [*New Russian Book*] (Berlin), 1922, no. 2, p. 44–48. (in Russ.)
- Elan': Sbornik pervyj, vesennij, chut' eroticheskij. Tomsk, maj [Elan': The first Collection, spring, a little erotic. Tomsk, may]. Tomsk, Izdatel'stvo «Elan'», Izdanie V. P. Krasnogorskogo, Tipografiya Eparkhial'nogo Bratstva, [1919], 13 p. (in Russ.)
- Eremeeva A. N. «Nakhodyas' po usloviyam vremeni v provintsii...»: praktiki vyzhivaniya rossijskikh uchenykh v gody Grazhdanskoj vojny [«Being under the conditions of time in the province...»: Practices of survival of Russian scientists during the Civil war]. Krasnodar, Izd. Platonov I., 2017, 208 p. (in Russ.)
- Kameny [Camenaes]: Sbornik istoriko-literaturnogo kruzhka pri Gosudarstvennom Institute Narodnogo Obrazovaniya v g. Chite. [Vyp.] I. Chita, 1922, 116 p. (in Russ.)
- Karpov N. D. *Krestonostsy – poslednyj rezerv Kolchaka* [The Crusaders – the last reserve of Kolchak]. Moscow, Russkaya panorama, Russkoe Istoricheskoe obshchestvo, 2014 (Ser. «Stranitsy rossijskoj istorii»), 336 p. (in Russ.)
- Kolubovskiy I. [Ya.] V. P. Krasnogorskiy. *Sibirskaja zhizn'* [*Siberian Life*] (Tomsk), 1919, no. 259, 4 December, p. 3–4. (in Russ.)
- Nash trud [Our Labor]: Sbornik literatury, dramy i kritiki. Eds. N. Stepnoj, E. Loktev. Ivanovo-Voznesensk [Kineshma], 1924, no. 1, 112 p. (in Russ.)
- Nash trud [Our Labor]: Sbornik literatury, dramy i kritiki. Eds. N. Stepnoj, E. Loktev. Ivanovo-Voznesensk [Kineshma], 1924, no. 2, 120 p. (in Russ.)
- Nekrylov S. A. Tomskiy universitet – pervyj nauchnyj tsentr v aziatskoj chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.) [Tomsk University as a first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. [In 2 vols.]. Tomsk, TSU Publ., 2011, vol. 2, 596 p. (in Russ.)
- Pushkinist [Vyp. I]: Istoriko-literaturnyj sbornik [Pushkinist [Vol. I]: historical and literary collection]. Ed. by S. A. Vengerov. St. Petersburg, Fototipiya i tipografiya A. F. Dresslera, Prometej, 1914, XXIV, 239 p. (in Russ.)
- Pushkinist IV: Pushkinskij sbornik pamyati professora Semena Afanas'evicha Vengerova [Pushkinist IV: Pushkin's Collection to the memory of Professor Semen Afanasevich Vengerov]. Ed. by N. V. Yakovlev. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922, XL, 362 p. (in Russ.)
- Pushkinist. [Vyp.] II: Istoriko-literaturnyj sbornik [Pushkinist [Vol. II]: historical and literary collection]. Ed. by S. A. Vengerov. Petrograd, Fototipiya i tipografiya A. F. Dresslera, Prometej, 1916, XVI, 292 p. (in Russ.)
- Shchegolev P. E. Amaliya Riznich v poezii A. S. Pushkina. *Vestnik Evropy* [*Europe Review*], 1904, no. 1, p. 305–327. (in Russ.)

Анисимова В. Н., Нехотин В. В. К биографии В. П. Красногорского

Tomskiy literaturnyj nekropol' [Tomsk Literary Necropolis]. [Sost. T. Nazarenko; rukovod. proekta G. Skarlygin]. Tomsk, Izdatel'stvo «Krasnoe znamya», 2013, 96 p. (in Russ.)

Tomskiy nekropol': Spiski i nekrologi pogrebennykh na starykh tomskikh kladbishchakh, 1827–1939 [Tomsk necropolis: Lists and obituaries of those buried in old Tomsk cemeteries, 1827–1939]. Comp. and ed. by N. M. Dmitrienko. Tomsk, TSU Publ. (OGUP Asinovskaya tipografiya), 2001, 327 p. (in Russ.)

Tynyanov Yu. N. O Khlebnikove. In: Tynyanov Yu. N. Literaturnaya evolyutsiya: Izbrannyye Trudy [Literary evolution: Selected works]. Moscow, Agraf, 2002, p. 363–375. (in Russ.)

Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Cinema]. Prep. and comment. E. A. Toddes, A. P. Chudakov, M. O. Chudakova. Moscow, Nauka, 1977, 574 p. (in Russ.)

Archives

1. Gosudarstvennyj arkhiv Kostromskoj oblasti [State archive of Kostroma region] (GAKO), Kostroma.

2. Gosudarstvennyj arkhiv Tomskoj oblasti [State archive of Tomsk region] (GATO), Tomsk.

3. Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki [Department of manuscripts of the Russian National Library] (OR RNB), St. Petersburg.

4. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg] (CGIA SPb.), St. Petersburg.

Vera N. Anisimova – PhD (Physics & Mathematics). E-mail: anisvera@gmail.com

Vladimir V. Nekhotin – PhD (Philology), Senior research fellow (Literary Heritage sector), A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (Moscow, Povarskaya str., 25A)